

Нянь Сяоми окинул взглядом бедный двор и с полной уверенностью произнес:

— Не волнуйся, наша жизнь наладится. Даже если сейчас нет зерна, это не беда. Скоро начнется распределение земли, мы посадим кукурузу, и уже летом будет урожай. Да и если измельчить кукурузу для кур, это будет отлично.

Они с радостью поужинали, после чего Нянь Сяоми вернулся на кухню. Осмотревшись, он обнаружил лишь полмешка батата и картошки, да горсть кукурузной муки.

В прошлой жизни он любил жизнь и верил, что запасы еды будут только расти. После переселения в древнюю деревню он был уверен, что жизнь здесь будет яркой и интересной!

После ужина Нянь Сяоми обратился к Янь Мо:

— Поможешь мне принести воды? Я хочу нагреть её для купания.

Услышав это, мужчина резко встал, ударившись о стол со звоном. Нянь Сяоми сильно испугался.

Он смущенно почесал растрепанные, как солома, волосы, неловко посмотрел на Нянь Сяоми и простодушно сказал:

— Я сейчас схожу за водой...

С этими словами он взял ведра и вышел из дома.

Когда он вернулся с водой, Нянь Сяоми сказал:

— А может, ты сбреешь бороду? Она выглядит немного пугающе.

Мужчина задумался на мгновение, затем кивнул.

Вода в котле быстро закипела, и Нянь Сяоми передал ему полотенце и небольшой нож.

— Иди в соседнюю комнату и побрейся, а я пока приму ванну.

Вытолкнув ошеломленного Янь Мо, Нянь Сяоми закрыл все двери и окна на засовы.

Во время купания он столкнулся с проблемой: это же древние времена, здесь нет ни мыла, ни геля для душа. Как же вымыться начисто?

Ладно, сегодня придется обойтись, а позже придумаю, как сделать мыло!

Закончив купание, Нянь Сяоми снова зашел на кухню и, едва увидев мужчину, в ужасе уронил таз на пол.

Янь Мо держал в руке нож, и на его лице чередовались участки с бородой и без. На тех местах, где бороды не было, виднелись кровавые порезы, но глупый парень все равно продолжал упорно с ней бороться.

— Ты что, делаешь себе харакири? Прекрати же!

Нянь Сяоми в ужасе бросился к нему и выхватил окровавленный нож.

Янь Мо испугался его резких движений и замер с поднятой рукой, недоумевающе глядя на супруга.

Нянь Сяоми глядел на его невинное, но обезображенное лицо, и ему было и смешно, и больно.

Он забыл, что это древние времена, и многому здесь нужно учиться и привыкать.

— Наклонись, — мягко сказал он, подходя ближе.

Янь Мо послушно наклонился, поднеся лицо к Нянь Сяоми.

Тот осторожно вытер кровь, осмотрел раны и аккуратно промыл их.

Протерев лицо, он приложил теплую примочку, а затем взял нож и сам сбрил остатки бороды.

Нянь Сяоми был полностью сосредоточен на ноже, старательно избегая ран, и не заметил нежности и обожания в глазах мужчины.

Через некоторое время борода была наконец удалена, и после умывания теплой водой истинное лицо Янь Мо предстало перед ним.

Нянь Сяоми уставился на него... и замер.

Это лицо, за исключением нескольких порезов от ножа, было настоящим произведением искусства!

Глубокие глаза с каким-то детским выражением, высокий нос, чувственные губы — он и представить не мог, что у этого древнего человека может быть такое идеальное лицо!

Нянь Сяоми был вне себя от восторга. Перед ним стоял настоящий красавец, которого он даже в прошлой жизни не встречал.

И этот красавец был его... мужем!

— Дорогая... на самом деле, мы еще не провели нашу брачную ночь, — после небольшой паузы тихо произнес Янь Мо.

— Что? — Нянь Сяоми замер.

Оказалось, что, хотя они поженились уже полгода назад, каждый раз, когда Янь Мо хотел к нему приблизиться, у него начинался припадок, он пеной изо рта шел, и становился как безумный. Со временем Янь Мо перестал пытаться.

Несмотря на это, он продолжал заботиться о нем и беречь, никогда не прибегая к силе.

Сейчас Нянь Сяоми полностью принял воспоминания прежнего хозяина тела. Тронутый до глубины души, а также увидев, как красив его муж, он опустил голову, покраснев, и сказал:

— Может... сегодня мы восполним ту брачную ночь...

Хотя он был из современного мира, он страдал страхом перед болезнями. Кроме двух неудачных платонических романсов, к сорока годам он оставался старым девственником, что было весьма печально.

Но теперь он переселился!

В древние времена не было этих страшных болезней, к тому же его муж был таким мужественным и красивым. Нянь Сяоми мгновенно почувствовал, как прекрасна жизнь, и решил одну из своих главных проблем за последние сорок лет.

Янь Мо достал две чашки, налил в них рисовое вино и протянул одну Нянь Сяоми.

Тот, краснея, взял чашку и выпил вместе с мужем этот кубок супружеского вина.

Выпив, он почувствовал легкое разочарование — вино оказалось слишком слабым, гораздо хуже современного. Возможно, позже он сам начнет его варить, и даже сможет продавать.

Янь Мо молча приготовил постель и сказал, глядя на Нянь Сяоми, который пялился на него:

— Пойдем спать.

Нянь Сяоми, краснея, шаг за шагом приблизился к кровати.

Сняв обувь и одежду, он медленно забрался на кровать, натянул одеяло и замер, лежа неподвижно.

Боковым зрением он заметил, как Янь Мо, стоя рядом, снимает одежду, обнажая широкие плечи и рельефный торс.

Наконец, он снял пояс и штаны, и когда нижнее белье упало на пол, Нянь Сяоми едва не вскрикнул:

— Мамочки, какой огромный...

В эту ночь Нянь Сяоми впервые испытал на себе мощь древнего мужчины, и был счастлив.

Как говорится, бык может устать от пахоты, но поле от этого не испортится.

Когда уставший муж крепко заснул, Нянь Сяоми, напротив, окончательно проснулся.

Теперь этот дом в его глазах был настоящей нищетой!

Он крепко сжал кулаки. С этого момента я поведу своего красавца-мужа в поле, чтобы как можно скорее выбраться из бедности и достичь процветания!

Утром Нянь Сяоми поднялся с кровати, но Янь Мо рядом уже не было.

Он оделся и вышел на кухню, где большой чугунный котел уже дымился.

Янь Мо стоял у плиты с большим топором, обнажая мускулистую спину, и рубил дрова.

Вот это мужчина!

После завтрака Янь Мо неожиданно достал маленькую шкатулку и протянул её Нянь Сяоми. Тот с подозрением открыл её и обнаружил внутри немного серебра.

Он пересчитал: всего два лян серебра и триста пятьдесят вэней.

В эту эпоху один лян золота равнялся десяти льянам серебра (2 000 юаней), один лян серебра —

тысяче вэней (200 юаней), а один вэнь — 0,2 юаня.

— У нас дома земля пустует, ты живешь только охотой. Откуда у тебя столько денег? — с любопытством спросил Нянь Сяоми.

В древней деревне два лян серебра считались полугодовым доходом.

— Недавно я добыл шкуры нескольких кабанов и косуль, продал их.

Нянь Сяоми посмотрел на глинобитный дом, в котором кроме стен ничего не было, и вспомнил о заканчивающихся запасах продовольствия.

— Почему же ты не починил дом и не купил хлеба? Почему мы живем так бедно?

Мужчина простодушно улыбнулся:

— Я хотел накопить денег, чтобы вылечить тебя.

С этими словами он снял со стены лук и колчан:

— Я пойду в горы на охоту.

Нянь Сяоми был так тронут, что готов был упасть перед ним на колени.

— Эм... а эти деньги?

— Ты моя жена, тебе и держать.

Сказав это, он направился к воротам двора.

Глядя на крепкую спину мужчины, у Нянь Сяоми навернулись слезы на глаза.

Он радовался, что не попал в гарем — с его характером его бы там в два счета убили придворные дамы. Он также радовался, что не оказался в семье с интригами и скандалами.

Сейчас его деревенская жизнь была простой, уютной и спокойной. Не было злой свекрови, не было плохих родственников.

Муж был сильным, красивым, добрым и заботливым, да и в постели — просто мастер.

Он отдал мне все, что имел, и я не подведу этого доверия.

Я использую все навыки из прошлой жизни, чтобы обеспечить нам хорошую жизнь!

Через несколько дней в деревне Заката произошло важное событие, случающееся раз в пять лет — распределение земли!

Пахотных земель в горах было мало, и почва различалась — плодородная и бедная. По старинной деревенской традиции, каждые пять лет земля перераспределялась, чтобы каждый мог по очереди обрабатывать лучшие участки.

В этом году три лучших му плодородной земли достались семье Нянь Сяоми.

— Отец, разве не жаль отдавать такие хорошие земли семье дурака? — спросил Янь Гуй, сын старосты.

Хотя слухи о том, что «дурак перестал быть дураком», уже разнеслись по деревне, его все еще игнорировали и презирали.

— А что мы можем сделать? В этом году очередь их семьи, это деревенский обычай, — староста понимал, что сын что-то замышляет.

В этом году семье старосты досталась очень бедная земля, сплошная пустошь. Вместо того чтобы голодать пять лет из-за плохого урожая, он хотел обменяться землей с дурачком, ведь он и Янь Мо все равно не умели обрабатывать землю.

Староста подумал немного и сказал:

— Давайте послушаем мнение всех.

Все жители деревни, кроме Нянь Сяоми и Янь Мо, были собраны вместе, и все начали обсуждать, считая, что это несправедливо по отношению к семье дурачка.

ПС: «Нюцзы» — это северо-восточное просторечие, означает «пенис».

<http://bllate.org/book/16653/1525753>